

Не загадывая о будущем...

Большой театр. 1994. 13 мая.

Наш собеседник — солист оперы Лев Кузнецов

Редакция. Лев Леонтьевич, вы солист оперы Большого театра с почти двадцатилетним стажем. Давайте вспомним наш первый сезон в театре — что наиболее ярко запечатлелось в памяти?

Л. Кузнецов. Я пришел в труппу в 1976 году, когда отмечалось 200-летие Большого театра. Это было грандиозное празднество, во всем блеске представившее оперное и балетное искусство Большого театра.

Судите сами, театр был в зените славы, лучшие артисты страны мечтали выступить на его сцене, и никаких горьких, саркастических статей и в помине еще не было. На меня, стажера оперы, все это произвело колоссальное впечатление, особенно, когда нам, никому еще неизвестным артистам, вручили памятные значки во славу этого события наравне с патриархами театра. Эта атмосфера как-то сразу настроила нас на особый лад — мы были счастливы уже одним сознанием приобщения к искусству Большого театра. Должен сказать, что в тот год стажерская группа подобралась весьма сильная; достаточно сказать, что позже наша группа почти полным составом перешла в солисты.

Первый сезон в театре стал для меня очень плодотворным — я спел Ленского в «Евгении Онегине», Арзакана в «Похищении луны», Дон Жуана в «Каменном госте» и некоторые другие партии.

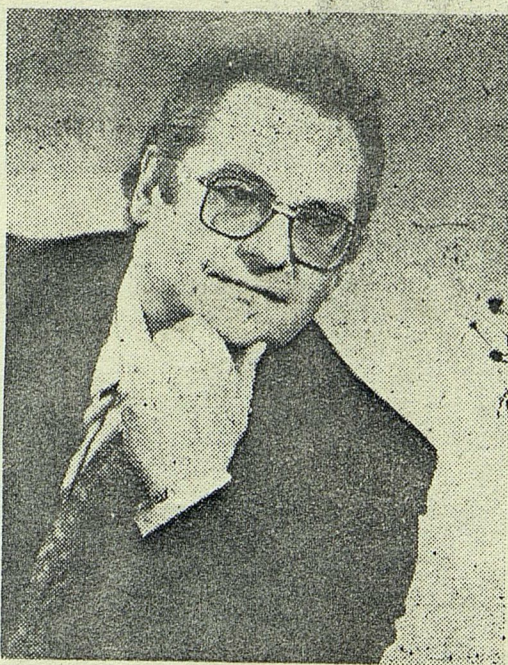
— Вы все время говорите «мы», «наш». Что значит для вас это поколение?

— Это, прежде всего, «рабочее» поколение певцов: 20 лет назад придя в труппу, они и по сей день несут на своих плечах весь груз репертуара. А вообще-то, я считаю, моему поколению по-настоящему повезло. Нам было у кого учиться, у кого что-то взять на вооружение.

Возьмите только теноровую группу: В. Атлантов, З. Соткилава, В. Пьявко, Е. Райков... Просто перечисление говорит само за себя. Каждый спектакль с их участием многу учил, позволял почерпнуть что-то полезное, давал какой-то импульс для собственных творческих исканий...

— Сейчас молодые певцы Большого ездят по всему миру. Их много и охотно приглашают на гастроли, для них это еще один шанс творчески реализовать себя. Не возникало ощущения, что вас обделили в этом плане?

— Да, где-то это было. Мы на-

чали «смотреть мир и показывать себя» гораздо позже. Нас держал в своих крепких «объятиях» Госконцерт и так получалось, что за границу ездил один и тот же, довольно ограниченный круг солистов. Безусловно, это были хорошие певцы, заслуживающие внимания, но мы при этом как бы оказались «за чертой»... Хотя, думаю, могли бы за границей достойно представлять отечественную оперу. Но так сложилось, что не получилось... Зато теперь приезжаете куда-нибудь, а тебя спрашивают: как могло случиться, что мы вас раньше не слышали? Но должен признаться, что в ту пору для меня выступить здесь на нашей сцене, было важнее, чем где-либо. Это я говорю не для красного словца: мы работали с полной отдачей, и каждый спектакль в Большом забирал столько нервных, физических, эмоциональных сил и приносил такое удовлетворение как никакое другое выступление где бы то ни было.

— Что такое, на ваш взгляд, идеальный партнер и возможно ли это в принципе?

— Я думаю, что уровень партнерских взаимоотношений зависит, прежде всего, от тебя самого. Если ты не мешаешь партнеру, доброжелателен и чуток, то и его реакция будет такой же. Мне повезло. Я пел с Тamarой Милашкиной, Галиной Калининой, Тamarой Синявской, Маквалой Касрашвили, не раз мы встречались в одном спектакле и с супругой — Лидией Ковалевой.

— Петь с женой легче или труднее, чем с другими певицами?

— Гораздо труднее. Когда ты знаешь, что на сцене за тобой наблюдают пристально и пристрасно — это нелегко. Моя супруга очень требовательный кри-

тик. Вместе с тем, в свое время, когда у меня возникли проблемы вокального характера, именно она помогла мне их преодолеть. Я очень благодарен ей за это. Она умеет понять, поддержать, а главное — проанализировать причины и помочь исправить положение. Лиде дан педагогический дар. Сейчас она успешно преподаёт в консерватории, в Академии театрального искусства (ГИТИС), консультирует молодых певцов в Большом театре, очень увлечена этой работой.

— А с молодежью вам легко работается?

— Пока вроде бы проблем не возникло. К чести наших молодых артистов, должен сказать, что они стараются прислушиваться к советам и замечаниям, не обижаются. (Но давать советы — дело неблагодарное, не зря говорят, что у нас страна Советов). Для того, чтобы без раздражения выслушать даже полезный совет, необходима здоровая доля терпения, доброжелательности, желания учиться. У них это есть, и я рад, что могу поделиться накопленным. Ведь идет мой девятнадцатый сезон в театре, а до этого были еще годы работы солистом радио и телевидения, потом — филармонии.

— Значит вы пришли в театр уже опытным певцом?

— Да, это так. Сейчас в театре ставится «Скупой рыцарь» С. Рахманинова, а я записал эту оперу первый раз в 1972 году с оркестром Г. Рождественского, то есть, ни много, ни мало — 22 года назад.

— Кстати, когда-то принимали участие в концертном исполнении оперы А. Бойто «Мефистофель». Вы выучили труднейшую партию Фауста, чтобы спеть всего два раза, ведь эта опера не относится к числу часто исполняемых?

— Может быть, в этом и была прелесть этой работы. Вы знаете, когда я пел в филармонии, подготовка нового произведения, пусть даже не столько популярного, была делом обычным. Жизнь там бурлила, не стояла на месте. Новые симфонии, мессы, арии из опер, романсы... Мне это очень помогло. Весь смысл в том, что ты не замыкаешься в кругу привычного и необходимого репертуарного минимума, а постоянно расширяешь запас, тренируешь музыкальную память, совершенствуешь вокал. Хотя, конечно, на этот счет существуют различные мнения. Например, говорят, Альфредо Краус всю жизнь поет шесть или семь партий, шлифует, совершенствует, лелеет их и, несмотря на такую «ограниченность», находится в прекрасной форме. И это так, недавно я его слышал в концерте в фонд сгоревшей Барселонской оперы. Пел он замечательно.

(Окончание на 4-й стр.)

Не загадывая о будущем...

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Но, видимо, творческая линия певца диктуется его индивидуальностью. Мне кажется, для меня очень важно расширять диапазон опер, поскольку специфика моего голоса позволяет охватить и драматический, и лирический теноровый репертуар. «Мефистофель» А. Бойто ставили Е. Нестеренко и Д. Китаенко. Это была очень интересная работа, которая, к великому сожалению, так и не получила сценического воплощения.

— Вы застали Большой театр последних двадцати лет. Каковы, на ваш взгляд, потери и приобретения труппы за эти годы?

— Потери наши общеизвестны. Ушли из театра многие яркие певцы, ушли по разным причинам (и не всегда по объективным), и звезд на нашем театральном небосклоне поуменилось. Но вместе с тем, жизнь в театре продолжается, люди работают, появляются премьеры, много анишлагов, шумит публика у колонн в ожидании спектакля... Единственное, чего хотелось бы добавить — больше искорки в работе, больше блеска, столь присущего Большому театру.

— Какие партии принесли вам наибольшее удовлетворение?

— Сначала мне хотелось бы назвать партии, которые я так и не успел исполнить в Большом театре, а пою только за рубежом. Таков Хозе. Я очень жалею о том (и, думаю, что в этом не одинок), что «Кармен» не идет у нас. Это очень зрелищный и выигрышный (для публики) спектакль, с неувыдающей, страстной, захватывающей музыкой. К сожалению, многие очень дорогие для меня партии я впервые спел и поныне пою за рубежом. Так, недавно меня пригласили спеть в «Летучем Голландце» и опять за границей. Спектакль шел на немецком языке.

— Существует ли для вас языковой барьер?

— В общем, чужой язык дается не так легко, как хотелось бы. Приходится очень много трудиться, чтобы эта проблема не мешала работе над образом.

— Вернемся к разговору о любимых партиях...

— На сцене Большого театра — это Герман. Я всегда завидовал певцам, которые пели эту партию. А у меня была своя теория относительно Германа: я считал, что пока не почувствуешь, что это «мое», за партию не берусь. До Германа необходимо дозреть. Уже много лет — это одна из любимейших моих партий. Кстати, скоро мне предстоит петь ее в Любляне.

Из зарубежной классики я бы выделил «Трубадура». Мне очень приятно, что я успел спеть его на родной сцене. Спектакль не так давно был возобновлен в Большом театре. Очень хотелось сделать Манрико таким, каким, как мне казалось, видел его сам Верди. Но после возобновления спектакль прошел считанные разы, и вот уже сезон его нет в афише. Так получается, что эту партию я тоже больше пою за границей.

— А какое место сейчас в вашей жизни занимает камерное исполнительство?

— Дело в том, что раньше, еще в филармонии, мне очень много пришлось заниматься ка-

мерным репертуаром. Но поскольку я всю жизнь мечтал об опере, и сейчас, можно сказать, дорвался до нее, то, конечно, в основном свое время и силы отдаю спектаклям. При том, что я лауреат Международного конкурса имени Шумана, за плечами множество концертов, записей романсов и вокальных циклов, наработан огромный камерный репертуар — мое сердце принадлежит прежде всего опере.

— А не трудно было сменить концертную сцену на оперную?

— Нелегко. Но мы так много работали — буквально день и ночь пропадали в театре. Без конца отработывали сценическое движение (это касалось не только каких-то танцевальных моментов, но и просто пластики существования в спектакле). Вспоминаю, как в одной из постановок Лариса Трембовельская часами отработывала с нами «испанские» движения и жесты. Ну, а как занимались с нами Борис Александрович Покровский, Олег Михайлович Моралев!.. Это была настоящая школа оперного спектакля и опыт, приобретенный в работе с этими прекрасными режиссерами, дал каждому из нас основу на всю жизнь.

Меня подчас упрекают в некоторой тяжеловесности, недостаточной динамике на сцене. Например, в партии Владимира Игоревича. Но я вспоминаю как работали наши мастера, тот же Володя Атлантов. Ни одного лишнего движения, ни одного непродуманного жеста. И эмоции артиста никогда не были избыточными, всегда в меру. Меня это просто поражаало!..

— Чего вы ждете от будущего?

— Да вы знаете, пожалуй, ничего не жду. Не люблю загадывать о будущем. Меня несколько тревожит неопределенная ситуация с грядущей реконструкцией театра. Наверное, когда твоему дому грозит такая «стихия», как ремонт, чувство тревоги неизбежно. Много лет продолжает оставаться невыясненной ситуация с Филиалом. Что ж, поживем — увидим... Ну, а что касается работы, то очень хотелось бы спеть Садко, Радамеса и еще многое, многое другое. И хорошо бы — на родной сцене. Хочется надеяться, что чему-то из этого все-таки суждено сбыться. Время покажет...

Интервью подготовила
М. ПЕСКОВА.